
Малое
собрание
сочинений

Юрий
КОВАЛЬ

Малое
собрание
сочинений

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Повести

САМАЯ ЛЁГКАЯ ЛОДКА В МИРЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

МОРСКОЙ ВОЛК

С детства я мечтал иметь тельняшку и зуб золотой.

Хотелось идти по улице, открывать иногда рот, чтоб зуб блестел, чтоб прохожие видели, что на мне тельняшка, и думали: «Это морской волк».

В соседнем дворе жил ударник Витя Котелок. Он не был ударником труда. Он был ударник-барабанщик. Он играл на барабане в кинотеатре «Ударник». Все верхние зубы были у него золотые, а нижние — железные.

Витя умел «кинуть брэк».

Перед началом кино оркестр играл недолго, минут двадцать, и наши ребята мучительно ожидали, когда же Витя «кинет».

Но Витя нарочно долго «не кидал».

Наконец в какой-то момент, угадав своим барабанным сердцем особую паузу, он говорил громко:

— Кидаю!

Оркестр замирал, и в полной тишине начинал Витя тихонько постукивать палочкой по металлическому ободу барабана и вдруг взрывался, взмахнувши локтями. Дробь и россыпь, рокоты и раскаты сотрясали кинотеатр.

Витя Котелок подарил мне шикарный медный зуб и отрезал от своей тельняшки треугольный кусок, который я пришил к майке так, чтоб он светил через вырез воротника.

Я расстёгивал воротник и надевал зуб, как только выходил на улицу.

Зуб был великоват. Я придерживал его языком и больше помалкивал, но с блеском улыбался.

По вечерам ребята выносили во двор аккордеон и пели:

В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана...

Сумерки опускались на Москву и приносили с собой запах моря. Мне казалось, что в соседних переулках шумит прибой, и в бронзовых красках заката я видел вечное движение волн.

Распахнув пошире воротник, я бродил по Дровяному переулку, сиял зубом в подворотнях. Порывы ветра касались моего лица, я чувствовал запах водорослей и соли.

Море было всюду, но главное — оно было в небе, и ни дома, ни деревья не могли закрыть его простора и глубины.

В тот день, когда я пришел к майке треугольный кусок тельняшки, я раз и навсегда почувствовал себя морским волком.

Но, пожалуй, я был волком, который засиделся на берегу. Как волк, я должен был бороздить океаны, а вместо этого плавал по городу на трамвае, нырял в метро.

Мало приходилось мне мореходствовать. Как-то две недели проболтался в Финском заливе на посудине, которая называется «сетеподъёмник», обошёл Ладожское озеро на барже под названием «Луза».

Шли годы, и всё меньше моря оставалось для меня в небе. Никаких водорослей, никакой соли не находил я ни в Дровяном переулке, ни в Зонточном.

— Выход к морю, — бормотал я про себя, гуляя по Яузе, — мне нужен выход к морю. Мне просто-напросто негде держать корабль. Вот Яуза — родная река, но попробуй тут держать корабль — невозможно. Мёртвый гранит, отравленные воды.

Каждый год собирался я в далёкое плаванье, но не мог найти подходящее судно. Покупать яхту было дороговато, строить плот — громоздко.

— Купи резиновую лодку, — советовал старый друг художник Орлов.

— Мне нужно судно, а не надувное корыто. К тому же хочется придумать что-то своё, необычное.

— Сделай корабль из пустых бутылок. В каждую бутылку сунь по записке на случай крушения — и плыви!

Целый вечер сидели мы у Орлова в мастерской, что находится как раз у Яузских ворот, и придумывали корабли и лод-

ки из разных материалов — птичьих перьев, разбитых гитар и даже членских билетов спортивного общества «Белая лебедь».

— В Москве невозможно держать корабль, — сказал накопец Орлов. — Какой тут корабль? Стены, машины, троллейбусы. Тебе нужен выход к морю.

— Конечно! — крикнул я. — Выход к морю! Я задыхаюсь без выхода к морю и нигде не могу его найти. А Яуза — это не выход.

— Яуза — прекрасный выход. Построил бы корабль и поплыл прямо из мастерской. Но держать здесь корабль невозможно. Строй лодку — корабля тебе в жизни не видать.

И вдруг мне пришла в голову некоторая мысль.

Я вздрогнул, сжал зубы, но мысль всё-таки легко выскочила наружу.

— Я построю лодку, но только самую лёгкую в мире.

— Самую лёгкую? В мире? А сколько она будет весить?

— Не знаю... Хочется поднимать её одной левой.

— Без бамбука тут не обойтись, — сказал Орлов, задумчиво пошевеливая бородой и усами. — Бамбук — самый лёгкий материал.

— Куплю десятка два удочек.

— Удочки — это прутики. А нужны брёвна.

Тот год в Москве была особенно морозная и снежная зима. Каждый вечер разыгрывалась в переулках метель, и казалось странным думать в такое время о бамбуке. Но я думал, расспрашивал знакомых. Мне советовали закупить удочек, ехать в Сухуми, писать письмо в Японию. Некоторый наш знакомый, Петюшка Собаковский, подарил коготь бамбукового медведя.

Постепенно разошёлся по свету слух, что есть в Москве человек, ищущий бамбук. Неизвестные лица, большей частью с Птичьего рынка, звонили мне:

— Вам нужен бамбук? Приезжайте.

Я ездил по адресам — чаще в сторону Таганки, но всюду находил удочки или лыжные палки. Кресла, этажерки, веера.

Вместе со мной болел «бамбуковой болезнью» художник Орлов, который был вообще легковоспламеняем.

Коренастенький и плотный, он никак не соответствовал своей гордой фамилии. Во всяком случае, ничто не напоминало в нём орла — ни нос, ни бледный глаз, разве только усы расто-

пыривали порой свои крылья и сидели тогда на бороде, как орёл на горной вершине.

— На Сретенке живёт милиционер Шура, — сообщил мне Орлов, — говорят, он видел бамбук.

— Какой милиционер?

— Не знаю, какой-то милиционер Шура, художник.

— Что за Шура? Художник или милиционер?

— Сам не пойму, — сказал Орлов, — Петюшка Собаковский сказал, что на Сретенке стоит на посту милиционер Шура. Он же и художник. И вот этот Шура в каком-то подвале видел вроде бы то, что нужно.

Несколько дней через нашего знакомого Петюшку мы договаривались с Шурой. Наконец Петюшка сообщил, что милиционер-Шура-художник будет ждать нас в половине двенадцатого ночи на углу Сухаревского переулка.

Глава II

БАМБУК ИЛИ ГРАММОФОН?

К ночи разыгралась метель.

Поднявши воротники и поглубже нахлобучив шапки, мы с Орловым шли по Сретенке. На улице было снежно и пусто — мороз разогнал прохожих по домам. Иногда проезжали троллейбусы, совершенно замороженные изнутри. На углу Сухаревского переулка стоял милиционер в служебных валенках.

— Не знаю, как с ним разговаривать, — шепнул я Орлову, — как с милиционером или как с художником?

Валенки шагнули к нам.

— Ищущие бамбук следуют за мной, — сказал милиционер в сретенское пространство, оборотился спиной и направил свои валенки в переулок. Он шагал быстро, рассекая метель, взрывая сугробы. Спотыкаясь и поскальзываясь, мы поспешили за ним.

«Ищущие бамбук следуют за мной», — повторял я про себя. В первой половине этой фразы чувствовался художник, а уж во второй — милиционер.

Скоро он свернул в низкорослую подворотню, открыл ключом дверь под лестницей, и мы оказались в какой-то фанерной каморке. На столе стояла электрическая плитка и неожидан-

ный старинный граммофон. На стене висела картонка, на которой был нарисован тот же самый граммофон. Признаков близкого бамбука видно не было.

Толкаясь коленями, мы сели на тахту, а милиционер Шура, не снимая шапки, включил плитку, поставил на неё чайник.

— Это моя творческая мастерская, — строго сказал он.

— Мало метров, — живо откликнулся Орлов, и они завели длинный разговор о мастерских и долго не могли слезть с этой темы. Кубатура, подвальность, заниженность...

Потом милиционер-художник стал показывать свои этюды, а мы пили чай. стакан за стаканом, этюд за этюдом. Время шло, бамбуком и не пахло.

Меж тем милиционер всё больше превращался в художника. Он уже снял шапку и размахивал руками, как это делали, наверно, импрессионисты. Орлов похваливал этюды, а я маялся: вопрос «где бамбук?» крутился у меня в голове.

— Ты что молчишь? — сердито шепнул Орлов. — Хочешь бамбук — хвали этюды.

— Отличные этюды, — сказал я, — сочные — вот что ценно. А где же бамбук?

— А зачем вам бамбук? — спросил милиционер-художник, слегка превращаясь в милиционера. — Для каких целей вам нужен бамбук?

Вопрос был задан столь серьёзно, будто в желании иметь бамбук заключалось что-то преступное. Шура как бы прикидывал, не собираемся ли мы при помощи бамбука нарушить общественный порядок.

Орлов объяснил, в чём дело, и не забыл похвалить этюды, напирая на их сочность. Милиционер-Шура-художник-любитель немного смягчился.

— Да бросьте вы, ребята, этот бамбук, — неожиданно сказал он, — хотите, я вам граммофон отдам?

— Граммофон? Но мы в связи с бамбуком...

— Берите граммофон. Пружину вставьте — будет играть. А бамбук — ладно. Потом как-нибудь и бамбук достанем.

Я растерянно поглядел на Орлова и увидел в глазах его жалобный и дружеский блеск. Ему явно хотелось иметь граммофон. Я перевёл взгляд на милиционера и понял, что надо выбирать: или бамбук, или граммофон.

— Хороший граммофон, — пояснил Шура, превращаясь в художника. — Мне его одна бабка перед смертью подарила. Смотрите, какая труба!

— Давай и граммофон, и бамбук, — не выдержал Орлов. Усы его распустили крылья, принакрыли гору бороды.

— Не много ли? — сказал Шура, и взгляд его двинулся в милицейскую сторону.

— Погодите! — сказал я. — Какой ещё граммофон! Вы же обещали нам бамбук показать.

— Да на улицу выходить неохота, — признался милиционер-художник. — Надоела эта метель, совсем замёрз на посту. А там ещё в подвал лезть. Лучше бы посидели, о живописи поговорили... Ну ладно, раз обещал, покажу. А граммофон сам починай буду.

Глава III ПРОВАЛ

За полночь метель разыгралась всерьёз. Снежные плети хлестали по лицу, фонари в Сухаревском переулке скрипели и стучали, болтаясь под железными колпаками.

Я замёрз, но веселился про себя, мне казалось смешно — ночью, в метель, идти по Москве за бамбуком. Орлов отставал. Его тормозил оставшийся граммофон.

— Я не уверен, что это бамбук, — говорил милиционер-художник. — Торчит из подвала что-то, какие-то деревянные трубы.

— Вот видишь, — сердито шептал Орлов. — Надо было брать граммофон.

Проходными заснеженными дворами подошли мы к трёхэтажному дому. Окна его были темны, а стёкла выбиты, и метель свободно залетала внутрь, кружилась там и выла, свивала снежные гнёзда.

— Дом скоро снесут, — сказал Шура. — Жильцов давно выселили. Граммофон отсюда, с третьего этажа, а подвал вон там.

Сбоку к дому был пристроен коричневый сарай. Мы открыли дверь, заваленную снегом. Включив фонарь, Орлов шагнул вперёд и остановился.

— Это не подвал, а провал, — ворчливо сказал он.

Пол сарая действительно провалился, а под полом оказалась глубокая яма, которую заполняла гора всевозможной рухляди. Из этой горы и торчало то, что привело нас сюда, — трубы, покрытые столетней пылью.

— Нужен крюк, — сказал Орлов. — Или загогулина. Дотянемся до трубы и вытащим её наружу.

— Какой крюк? — нетерпеливо спросил я. — Где он? Держи меня за хлястик, а Шура пусть фонариком светит.

Орлов крепко ухватил меня за хлястик, я наклонился над провалом, протянул вперёд руку. До трубы было довольно далеко, но рука моя всё вытягивалась и вытягивалась, и я даже подивился таким свойствам человеческой руки. Когда до трубы оставалось сантиметра два, хлястик неминуемо лопнул и я полетел в тартарары.

Ударившись коленями о грудку щебня, я повалился на бок. Какие-то кроватные спинки, углы корыт, гнилые батареи центрального отопления окружали меня.

— Я говорил: надо загогулину, — сказал Орлов, ослепляя меня фонариком. — Посмотри, что это за круглая штука валяется.

Я поднял овальную жестянку, протёр её. Из-под слоя пыли выглянули тиснёные буквы.

— Кинь её сюда, — сказал Орлов.

Под светом фонаря я забрался на грудку щебня и дотронулся наконец до пыльной трубы. Определить на ощупь, бамбук это или нет, я не сумел, но труба оказалась лёгкая и неожиданно длинная. Я направил конец её в пролом, и Орлов с милиционером вытащили трубу наружу.

Я остался в темноте и слышал только, как скрипит снег, свистит метель в пустом доме и как милиционер-художник подаёт какие-то совершенно небамбуковые команды: «заноси левее», «ложи её под фонарь» и т. д.

Наконец свет фонарика снова ослепил меня, и я услышал голос:

— Ну, брат, граммофона нам не видать. Это бамбук!

И до сих пор я не могу поверить, что в ту метельную зиму нам удалось найти в Москве бамбук. Но вот глубокой ночью я стоял на дне пропылённого подвала и подавал одно за другим наверх настоящие бамбуковые брёвна. Я даже представить се-

бе не мог, что бамбук бывает такой толстый, с удивлением ощущал узловатые стволы и думал, что Москва действительно город чудес.

Орлов вытаскивал брёвна на улицу, а милиционер-художник светил фонариком. Надо сказать, что в эти минуты он как-то ступешался и не смог сразу сообразить, как ему поступать в данной ситуации — как милиционеру или как художнику, поэтому и выступил в роли осветителя.

Когда мы вытащили пять брёвен, милиционер-художник несколько раз помигал фонариком и неожиданно сказал:

— Хватит.

— Почему? Мало на лодку.

— На самую лёгкую в мире хватит.

В подвале лежало не меньше двадцати брёвен, и мы с Орловым, не сговариваясь, собрались утащить всё. Но милиционер Шура принял решение и мигал беспрестанно фонариком, подчёркивая свою твёрдость.

Под миганье мы уговорили Шуру дать нам ещё одно, шестое бревно, по которому я и вылез наверх.

При свете уличного фонаря я рассмотрел наконец бамбук. Орлов воткнул брёвна в сугроб. Толщиной с водосточную трубу, оранжевые и коричневые, блестели они, будто покрытые лаком.

— Увязывайте и пакуйте, — сказал Шура-милиционер, — а в субботу приходите граммофон слушать.

Толкаясь локтями, мы жали Шуру руку, обещали принести пластинки к его граммофону. Орлов даже обнял милиционера и сказал:

— Становись-ка ты, Шура, художником.

Мне захотелось поспорить с Орловым. Я обнял Шуру с другой стороны:

— Не слушай его, будь милиционером.

— Я и сам не знаю, как тут быть, — признавался милиционер-художник, притопывая валенками. — Душа разрывается. И то и другое — дело нужное.

— Надо избрать что-то одно, — сказал Орлов. — И дуть в эту дудку. А то душа разорвется.

— У меня душа крепкая, — объяснял Шура, — её так просто не разорвать.

— Дуй в две дудки, — уговаривал его я. — Это душу укрепляет.

Так обнимались мы под метелью, и, когда обнялись окончательно и Шура скрылся за углом, Орлов вытащил из-за пазухи овальную жестянку.

Красная краска на ней местами облупилась, проржавела, но хорошо видна была парусная лодка и надпись белым по красному:

ЧАЙ
Т-во Чайная торговля
В. ВЫСОЦКИЙ и К°
Москва

Глава IV

НОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Перед нами была старинная вывеска. Но как попала она в подвал? И как попал сюда бамбук?

— Ты знаешь, чего я думаю? — сказал Орлов. — Я думаю, что в этих брёвнах раньше перевозили чай. Насыпали внутрь сухого чаю и перевозили вот на таких лодках, которые называли «чайный клипер».

Более нелепого предположения предположить было невозможно. Художник Орлов пытался одним махом объединить чай, бамбук и лодку на вывеске прямой линией. Он пошёл кратчайшим путём к истине и промахнулся.

Орлов просто-напросто устал. Его оглушила потеря граммофона. Ведь он мог запросто уносить сейчас под мышкой граммофон, а вместо этого возился с моим бамбуком.

Была уже глубокая ночь. Снег валил со всех сторон.

Мы замёрзли и долго связывали бамбук верёвкой, связали, взвалили на плечи. Связка получилась громоздкой, руки соскальзывали с гладких лакированных брёвен.

Переулками мы вышли на Сретенку. Снежные волны выкатывались вслед за нами из тёмных подворотен, схлёстывались под фонарями и улетали кверху — гроыхать на крышах, выть на чердаках.

— Воет, как граммофон, — недовольно ворчал Орлов, который шёл впереди.

— Право руля! — кричал ему я.

Метель то подталкивала нас в спину, то налетала сбоку и разворачивала поперёк улицы. Мы неловко маневрировали, напоминая баржу. Это было первое плавание самой лёгкой лодки в мире.

— Левая, загребай! Правая, табань! — покрикивал я и вдруг услышал сзади:

— Стоп машина!

В первую минуту я подумал, что это нас догнал зачем-то милиционер-художник. Но ошибся. Нас догонял не художник, но — милиционер.

— Суши вёсла! — крикнул я, и мы повалили связку на снег.

Милиционер-нехудожник оглядывал и нас, и бамбук с крайним подозрением. Из-под его погон сыпалась снежная труха. В свете уличного фонаря кокарда на его шапке, до блеска начищенная метелью, сверкала как утренняя звезда. Милиционер молчал.

Орлов постучал ботинком по бамбуку, потопал ногами, попрыгал.

— Метель-то какая, а? — сказал он милиционеру.

Милиционер не захотел вступать в пустой разговор. Не выпуская нас из поля зрения, обошёл он бамбуковую связку, осветил фонариком в чёрные жерла брёвен.

— Попрошу документы.

— Документов нет.

— Попрошу накладные на стройматериалы.

— Ничего такого у нас нет.

— А где вы это... гм... взяли?

— Это бамбук, — чистосердечно ответил Орлов. — Нам его милиционер-художник подарил.

На мой взгляд, ничего глупее этой фразы придумать было невозможно. Фраза озадачила милиционера, несколько секунд переваривал он её и сказал неожиданно:

— Это Шурка, что ли?

— Шура. Который на Сретенке стоит.

— Да откуда же у Шурки бамбук? Где ваши накладные?

— Накладные остались у Александра, — вставил я. — Необходимы дополнительные печати.

— Какие ещё печати? Откуда бамбук?

— Он лежал в Сухаревском переулке, — принялся объяснять Орлов. — У милиционера-художника в подвале. Мы там и вывеску нашли.

Он достал из-за пазухи вывеску «Высоцкий и К°», которая делу особо не помогла.

— Пройдёте до отделения, — сказал милиционер.

— Да что вы! Пойдёте лучше ко мне в мастерскую, — приглашал Орлов. — Заварим чаю, разберёмся.

— Уж если разбираться, так в отделении.

— У нас чай со слоном. А можем чаю-медведя сделать. Согреетесь.

— Уж поверьте нам, — уговаривал я. — Не крали мы этот бамбук. Пойдёте, посмотрите, где мы живём, и, если надо, арестуете.

Некоторое время уламывали мы милиционера, и наконец он согласился, помог взвалить бамбук на плечи. Мы снова двинулись вперёд, а милиционер-нехудожник важно шагал сбоку. Его присутствие сделало наше плавание более торжественным и величавым. Мне было приятно, что в первом плавании самой лёгкой лодки в мире участвуют сопровождающие корабли.

— Вы знаете, — сказал я милиционеру, — вы участвуете в первом плавании самой лёгкой лодки в мире.

— Как это так?

— Из этого бамбука мы построим самую лёгкую лодку планеты.

— На лёгкой-то далеко ли уплывёшь? Да и зачем она вам? Рекорды, что ль, бить?

— Да надо бы их побить, — веселился я. — Чего глядеть-то на них?

— Делайте плоскодонку. У нас в Мещёре все на плоскодонках плавают. Из осины долбят.

Пока мы шли к мастерской, милиционер-нехудожник вспоминал, как делают лодки у них в Мещёре, как выбирают осину, как долбят, как парят, как разводят её.

Когда мы пришли в мастерскую, заварили чай и уселись за стол, милиционер сказал:

— Накладные — бог с ними. Но где же всё-таки хоть какие-то документы?

Никаких документов Орлов найти не сумел. Нашёл квитанцию за уплату электроэнергии, показал милиционеру, фамилия которого оказалась Оськин.

— Хорошо, что вы платите за энергию, — говорил Оськин. — И чай хорош, и вправду коричневый, как медведь. Но всё-таки другой раз ночью бамбук не таскайте. Увижу — заберу.

Оськин-милиционер немного отогрелся, снял форменную шапку, расстегнул шинель.

— Я бы вас сразу в отделение повёл, — признавался он. — Да там места мало — бамбук некуда девать. Поэтому я с вами и пошёл, но, если б вы, ребята, вздумали бежать, пришлось бы мне кое-что применить.

Раз пять заваривали мы чай-крепач. За окнами выла метель, а мы сидели красные, распаренные, ели столовыми ложками варенье из банки.

— Хорошо, что вы не побежали, — продолжал Оськин. — Это молодцы. Тут один недавно вздумал убежать...

Мы сидели на кухне под абажуром, сделанным из разноцветных стеклянных палочек. Напротив Оськина на стене висели пять старых медных чайников, связанных вместе. Здесь же стояла скульптурная группа «Люди в шляпах», над которой Орлов работал последние четыре года.

— Что это они все в шляпах? — спросил Оськин. — Сделал бы хоть одного в кепке.

— Такие люди кепок не носят, — возражал Орлов. — Это люди серьёзные. Вот вы, например, какой носите головной убор, когда снимаете форму?

Оськин хмыкнул, зацепил из банки варенье.

— Тюбетейку, — сказал он.

Шесть бамбуковых брёвен лежали на полу. В кухне они не уместились, и концы их вылезали в коридор. Снег, облепивший брёвна, растаял — на золотистых боках сверкали янтарные капли.

— Одного не пойму, — говорил Оськин. — Как бамбук попал в подвал?

— Чай и бамбук — одного поля ягоды, — отвечал Орлов, помахивая вывеской «Высоцкий и К°». — Поверьте мне: где чай, там и бамбук.

— Видимо, в этом подвале были чайные склады купца Высоцкого, — рассуждал я. — Вместе с чаем он привёз и бамбук.